

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИКА И ДИНАМИКА:
ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
СБАЛАНСИРОВАННОГО РОСТА.
НЕОРИКАРДИАНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ МАКРОЭКОНОМИКИ**

Д.А. Неверов*

Обосновывается положение о том, что общая причина как экономических кризисов, так и динамического сбалансированного развития одна и та же. Она связана с абсолютной мерой ценности. Нарушение нормы ведет к кризису, следование ей — к благосостоянию. Абсолютная мера ценности — это мера должного соотношения между фундаментальными категориями экономической науки: ове- щественным и живым трудом, капиталом и рабочей силой, себестоимостью и прибылью, материаль- ными затратами и добавленной стоимостью, потреблением и накоплением, долгосрочными и краткос- рочными целями. Двухсекторная модель расширенного воспроизводства, построенная на основе прин- ципа золотого сечения, решает актуальную проблему определения микроэкономических основ макро- экономики.

Ключевые слова: ценность, капитал, абсолютная мера, золотое сечение, последовательность Фи- боначчи.

JEL-классификация: В51.

Материал поступил 15.03.2019 г.

***Асимметрия – фундаментальная
характеристика жизни***

Жизнь асимметрична, это ее фундамен- тальное свойство. Где господствует симмет- рия, там нет ни жизни, ни тем более позна- ния, потому что познание осуществляется посредством сравнения, предполагающего неравенство. По этой же причине асиммет- рия связана с определенностью и истиной, а симметрия – с неопределенностью и по- иском истины.

Так же общеизвестно, что жизнь есть некое единство. Следовательно, жизнь – это асимметричное единство неравнозначных в каком-то отношении (пусть только коли- чественном) частей. Синергетический эф- фект, который всегда сопутствует более эффективному и свободному существова- нию взаимодополняющих, а потому не мо- гущих быть тождественными частей, явля- ется прерогативой «организованной» асим-

метрии и жизни, но не «безжизненной» симметрии¹.

Именно по этим причинам неумест- но рядом с понятием «симметрии» ставить понятие «единства». Куча песка есть меха- ническая сумма песчинок, но не их един- ство. Всегда возможно атомно-молекуляр- ную решетку неорганической материи раз- делить на две равные половинки. С живой клеткой подобная операция исключается. Сама двойная спираль ДНК (ядро клетки) состоит из четырех *асимметрично* допол- няющих друг друга молекул-нуклеотидов (аденина, гуанина, тимина, цитозина).

¹ Выражаясь «арифметически», синергия проявляется там, где сумма состоит из неравных частей (где $3 + 2$, а не $2 + 2$, «тройка» больше нуждается в «двойке», чем «двойка» в себе подобной); кроме того, результат суммы из неравных слагаемых всегда содержит некий излишек – «целое больше своих частей» ($3 + 2$ превышает 5). Наобо- рот, «мертвая симметричность» состоит из равных долей и выражается математически точно: $2 + 2 = 4$ без всякого варианта синергии.

Жизнь – движение, которое совершается либо длительными постепенными изменениями, либо стремительными революционными скачками. Логично предположить, что принципиальное отличие статических моделей экономического роста от динамических черпает свое конечное объяснение из асимметричной природы жизни. Невозможно из статики, как более простого понятия, вывести, без насилия над здравым смыслом, динамику как более сложное явление. Тогда как обратная метаморфоза вполне допустима². Именно в асимметричной неравнозначности элементарных структур органических форм интуитивно угадывается «вечный двигатель» динамической экспансии жизни. Процесс достижения равновесия мыслим, если сперва наблюдается некая асимметрия, некое отрицание равновесия.

Более того, нарушение равновесия также возможно лишь благодаря некой асимметрии, некоему неравенству сил, преодолевающему точку равновесия. Асимметрия – это принцип движения, его «альфа и омега», в то время как равновесие играет роль промежуточного звена, средства, но не конечной цели, ибо предельной целью статики является покой. Чтобы движение было вечным, необходим «постоянный голод», «неудовлетворенность», вечная асимметрия должного и не-должного. Неравновесие должно все время преодолевать равновесие, тем самым поддерживая свой «статус-кво». Оглядываясь на жизнь, можно сказать, что равновесие «дано» неравновесию скорее для «отдыха» и восстановления истраченных ресурсов, не более того.

«Тройка» асимметрична, «двойка» – нет. Но «двойка» как момент покоя и симметрии присутствует в «тройке», придавая ей «устойчивость». Изначальное неравновесие содержит в себе равновесие в качестве возможности другого состояния, необходимого для движения. В неравенстве «тройки» и «двой-

ки» заложен внутренний импульс всякого развития. Чтобы движение состоялось, должен быть перевес одной части целого над другой частью, *должен быть малый отрезок и большой*. Но чтобы начавшееся движение не прекратилось, а продолжалось вечно, малая часть должна *вовремя* поменяться местом с большей частью, сохранив саму структуру (т. е. удельные веса изначальной асимметрии) в неприкосновенности. Если обмен местами происходит с внешней помощью, перед нами статическое движение наподобие качающегося маятника часового механизма. Если же обмен происходит без внешней поддержки, без внешнего «ключа» и «пружины», то перед нами – «вечный двигатель».

Но какой «вечный двигатель»? Статики или динамики? Наверняка их механизмы будут отличаться. Чтобы называться «вечным двигателем динамики» одного «добровольного» обмена местами между малым и большим отрезками недостаточно. Еще кое-что крайне необходимо. А именно: сохранение первоначальной структуры, давшей толчок движению, должно сопровождаться таким *абсолютным приростом* целого, который бы ничего не изменял в этой первоначальной структуре «вечного двигателя» (ибо эта первоначальная причина и есть «первая и последняя пружина» самопорождающегося движения).

Трудность чисто теоретического характера заключается в том, чтобы фрактально-асимметричную природу мироздания мыслить именно динамически, а не статически, что крайне неудобно для самого анализа, по природе своей статичного. Структура прироста или убыли должна в миниатюре воспроизводить асимметричную структуру растущего или убывающего целого, при этом сами темпы прироста (убыли) предполагаются неравномерными, иначе нельзя говорить о динамике (равномерное возрастание или убывание *скорее* статично, а не динамично).

Зарождение экономической науки обычно связывают с именем Адама Смита. Именно он сумел придать разрозненным и противоречивым взглядам предшественников сравнительно строгий и систематический вид научной теории экономической ценности. Ирония судьбы, однако, заклю-

² Как писал Н.К. Кондратьев (1991): «По существу динамическое равновесие как более сложное по составу элементов всегда предполагает равновесие статическое, но не наоборот». Впервые четкая постановка проблемы разграничения статического и динамического анализа дана в фундаментальных работах Дж.Ст. Милля «Принципы политической экономии» (1848) и Дж.Б. Кларка «Распределение богатства» (1899).

чается в том, что родоначальник научного подхода в экономической науке вместе с родоначальником «научного коммунизма» К. Марксом, похоже, остаются единственными в истории, кто не являлся скептиком в самом важном вопросе теории – вопросе абсолютной меры стоимости (ценности)³.

Какая наука обходится без измерения и оценки предмета своего исследования? Какая наука не стремится к точности своих прогнозов? Но осуществимы ли данные благородные цели для экономических дисциплин, увы, не имеющих подходящих инструментов измерения: «эталонных» весов, линейки и циркуля? Не имеющих единой меры? Вопросы, конечно, риторические.

Со времен Аристотеля и до сего дня место *абсолютной* меры экономической ценности вакантно. Ее обязанности исполняет меновая или относительная стоимость (ценность). Мера – число, а абсолютная мера – такое число, которое мерит собой все остальное. Что говорили по поводу меры, числа, асимметрии самые мудрые представители рода человеческого – философы? Какую методологию они готовы предоставить экономической науке в решении самой фундаментальной проблемы теории – абсолютной меры ценности?

Философия числа

Философия начинается как философия числа. Если вспомнить учение Пифагора, развитое впоследствии с помощью диалектики Платона неоплатоническими школами до теории чисел, то можно вслед за древними мудрецами предположить, что бытие имеет своим сущностным атрибутом некое «умное число», некий принцип, отделяющий бытие от небытия.

Сам Пифагор никаких записей не вел, что, конечно, не могло не сказаться на стройности и цельности его учения. Оно не имеет строгой методологии, поэтому чрезвычайно дискретно, даже мистично. Хотя отдельные фрагменты чрезвычайно

любопытны и «плодоносны» в плане формулировки понятий «гармонии», «прекрасного», «музыкального».

Кроме того, именно Пифагор заложил «свай» диалектического мышления, способного объяснить феномен движения, в том числе феномен вечной динамики жизни. Его знаменитые десять пар противоположностей, с небольшими модификациями и не принципиальными уточнениями, благодаря Аристотелю, Канту и Гегелю благополучно дожили до учебников нашего времени. Центральная пара «бытие – иное» или «первое единство – множественность» или «единое – многое». Именно на ней Платон строит всю свою «мифологическо-метафизическую диалектику» (см. диалог «Парменид»), а Гегель диалектику Духа⁴.

Намеки на высокий онтологический статус числа разбросаны во многих диалогах Платона («Софист», «Парменид», «Тимей», «Тизетет»). «Числа» у него имеют роль посредников между идеальным миром «идей» (первообразов, смыслов, эйдосов) и реальными вещами, искажившими в той или иной степени задуманный Демиургом первообраз⁵. Но, опять-таки, стройной теории чисел, по-видимому, из-за недостаточно детальной разработки понятия материи, как считают эксперты, у Платона, к сожалению, не найти.

Восполнил пробел учителя основатель римской школы неоплатоников Плотин (III в. н. э.). Число, как это ни странно может показаться на первый взгляд, связано с нулем, пустотой, ничто. Ибо «единое» предполагает «многое», а «многое» получает санкцию быть благодаря «смешению» (термин Платона) «единого» с «ничто», с материей, с нулем. Материя – это «разбавленное единое», это убывающая творческая перводанная сила или менее концентрированная сила, предельная отрицательная стадия которой – ничто, как окаменелость, как крайняя вещественность, как отсутствие жизни.

До этого пункта Плотин в своих «Эннеадах» (шестой трактат «О числах») повторя-

³ Справедливости ради следует также упомянуть неорикарданца П. Сраффа, предпринявшего отважную попытку покорения вершины абсолютной меры экономической ценности в своем произведении «Производство товаров посредством товаров», о чем ниже.

⁴ Платон. 1994. *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 2. Москва: Мысль. 523 с.; Гегель Г. 1974. *Энциклопедия философских наук*. Т. 1: Наука логики. Москва: Наука. 603 с.

⁵ Платон. 1994. *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 2. Москва: Мысль. 523 с.

ет основные мысли своего учителя. Далее диалектику «бытия» и «иного» он заменяет диалектикой «предела» и «беспредельности», что позволяет несколько рассеять мистическую тайну числа.

«Беспредельное», смешиваясь с «пределом» как основополагающим принципом бытия, дает новую качественность, новое число. Чем дальше «беспредельное» уходит от «предела», тем «вещественнее» оно становится. Поэтому материя бесконечна. Наоборот, «предел» как абсолютная конкретность – вечен (понятие «бесконечности» не тождественно понятию «вечности»). Но полагая себя «иным», предел, тем самым, полагает нечто иное и по отношению к вечности – это время, это материальность вещей и процессов, протекающих во времени. Возможны различные сочетания «предела» и «беспредельности» и каждому варианту присуще свое число.

У Плотина присутствует описание самого первого разделения первоединства «на себя» и «на иное», и по мнению русского философа, знатока и переводчика античной философии А.Ф. Лосева, – это одно из самых трудных и интересных мест не только в философии древних, но и во всей мировой философии. Сам вопрос, с которого начинается анализ, говорит сам за себя: «Породила ли сущность число собственным разделением (саморазделением), или же само число раздробило сущность?». Как пишет далее Лосев: «Вопрос о порождении числа сущностью или сущности числом имеет смысл вопроса о том, что в смысловом отношении является более первоначальным, сущность ли требуется для конструкции числа, или число требуется для конструкции сущности»⁶.

Даже вне зависимости от ответа ясно, что число в онтологическом плане находится рядом (если не внутри) с первоединством, выше которого согласно Платону ничего нельзя помыслить. У самого Платона такого вывода нет. Только У Плотина число раньше не только самой жизни, но и двух других ипостасей Всеединого – Ума и Души. Число – не только всеобщий принцип разделения и расчленности вещей, но

оно также «скрепляет» возникшее множество с самим собой, как с целым. Вывод Плотина однозначен: число, первое и истинное – есть принцип и источник ипостасийного бытия для сущего, оно есть начало, ближайшее к первоединому, оно – «смысл смыслов». Другими словами, «первое число» является принципом не только божественного бытия, но бытия вообще.

Данная мысль спустя столетие получила новое подтверждение, а затем и дальнейшее развитие в философии главы афинской школы неоплатоников Прокла. Последний пришел к аналогичным выводам, используя преимущественно индуктивный метод (У Плотина преобладает дедукция). Исследование Прокла сосредоточено главным образом на структуре троичности «начальных монад», или «самосовершенных единиц». Обосновывается положение об их иерархии в соответствии со степенью преобладания «истинного предела» над «дурной беспредельностью» и неопределенностью (бесформенностью) материи, что, вероятно, методологически весьма близко по духу к философии Лейбница⁷.

И хотя Прокл не говорит и не мог говорить о важности феномена асимметричности жизни, можно сделать именно такой вывод, изучая рассуждения этого философа об обратной связи между близостью и удаленностью монад-чисел (богов) к первоисточнику совершенного всеединства. «Совершенство» мыслится этим философом как «максимальная продуктивная насыщенность сущего», когда сущее берется не в своих акцидентальных функциях, но в своей изначальной сущностной простоте и единичности (Чельшев, 2010).

Каждая начальная монада-единица полагает двоякое число: первое – самосовершенная ипостась (отец), второе – ипостась в инобытии (материя-мать). Это уже не равенство, уже асимметрия, где одно способно прирастать или умаляться за счет другого. Тайна иерархии по Проклу связана скорее с «тройкой», чем с «двойкой». В «тройке» есть изначальная и конечная нецельность, ее, как и любое нечетное число, нельзя разделить на две равные половин-

⁶ Лосев А.Ф. 1928. *Диалектика числа у Плотина*. Москва. С. 863.

⁷ Лейбниц Г.В. 1982. *Сочинения в 4 томах* Т. 1. Москва: Мысль.

ки, на два равных *целых* числа. Преодоление данной не-цельности является одновременно внутренней причиной и целью любого движения.

Тогда как четные числа по определению симметричны и в этом смысле самодостаточны, стационарны, целостны и не «испытывают», если позволительно так будет выразиться, никаких «побуждений» к развитию. Еще Пифагор, а за ним платоники, неоплатоники и неопифагорейцы связывали активное мужское начало и само Благо с нечетными числами, а зло и пассивное женское начало – с четными⁸.

Итак, Платон разделил Первоединое на Благо, Ум, Красоту. Плотин ввел принцип числа в данное деление (точнее эманацию) и заменил Красоту на Материю (Душу). Прокл продолжил деление дальше. Триада бесконечно себя воспроизводит на все более низких этажах мироздания в соответствии с неким «умным» правилом Абсолютного Числа – вот последняя важная мысль древней философии в лице неоплатоников и Прокла в частности.

Одного недостает этой мысли. *Твердого* знания другого фундаментального закона жизни – ее асимметричности (о чем Прокл интуитивно, кажется, догадывался). Единое ведь может *симметрично* делиться на две, три, четыре и т. д. *равные* части. И тогда можно утверждать, что никакой эманации жизни и никакой *подлинной* ее иерархии не будет. Потому что будет лишь ко-

личественно убывающая симметрия одного и того же качества. Не будет никакой новизны – что-то вроде кристаллической решетки неорганических молекул. Жизнь без разнообразия – не жизнь, а пустыня.

Не может быть также и беспорядочно-го, бессистемного деления ради самого деления как такового. Очевидно, это приведет к хаосу и бессмысленности.

Деление должно быть с одной стороны *строго определенным*, с другой – *не симметричным* (т. е. не на целое число). Опять-таки, единственный выход – фрактальное деление (подобно извлечению квадратного корня или корней). Только тогда результат каждый раз будет новым, в котором, благодаря непреложности правила деления, будут сохраняться прежние черты, преемственность, образ и подобие Первозданного.

Дело не в том, чтобы быть триединству разделенным, а в том, чтобы быть *разделенным строго определенным образом*. Это залог *иерархии* бытия. Если иерархии нет в самом начале, ее невозможно логически вывести и впоследствии.

Вероятно, мысль об асимметрии неявно подразумевалась древними греками, ибо они говорят (особенно настойчиво афинская школа Прокла) о некоем *единственном* числе. А значит, о некоем конкретном правиле вечно саморождающейся динамики жизни. Прокл подверг скрупулезному анализу все, что связано с самодвижением, но сумел доказать лишь бестелесную причину его, но не асимметричность. Непревзойденная заслуга Гегеля состоит в том, что он свел данное число к дроби, к некоему соотношению, к мере, а не просто к числу самому по себе. От соотношения или дроби-пропорции «рукой подать» до асимметрии динамики, до геометрической прогрессии, до экспоненты, в которых скорость изменения может быть объяснена взаимобратным движением числителя и знаменателя, причем за счет друг друга.

Жизнь развивается по диалектическим законам. Априорная сущность трех главных законов диалектики, вероятно, тоже асимметрична. Сама «сердцевина» закона единства и борьбы противоположностей являет себя в категории «меры», разделяющей противоположности на два *неравных* лагеря

⁸ Противопоставим нечетные числа четным. Сумма любого нечетного числа с четным дает всегда нечетное число. В этом смысле асимметрия сильнее симметрии, первая как бы ассимилирует в себе вторую. Это важный момент, ибо он дает самую элементарную схему вечного самодвижения. Во-первых, четные числа дают абсолютный прирост, новизну и разнообразие (а разнообразие, по мысли многих философов, такой же важный атрибут жизни, как и асимметрия), хотя сами по себе они статичны. Во-вторых, относительная асимметрия структуры целого (сумы) в начале и та же асимметрия в конце является внутренней пружиной всего процесса самовозрастания. Наоборот, союз с себе подобными числами (и не только числами) губителен сначала для динамики, а затем и для самой жизни, ибо сумма нечетных чисел, как и сумма только четных чисел всегда дает опасную для жизни симметрию (сумма всегда будет четным числом). Не этот ли механизм подобия и различия лежит в основе многих экологических и генетических закономерностей, ведущих к вырождению видов (Реймерс, 1994). Стоит нечетному числу потерять свою «избранность», некий «таинственный излишек», возвышающий его над числом четным, перспектива жизни и движения исчезает.

(если бы равных, борьба и развитие были бы невозможны). В законе перехода количественных изменений в качественные асимметрия проявляется в *неравной* длительности и скорости эволюционных и революционных процессов. В законе отрицания отрицания асимметрия реализуется в синтезе или синергетическом эффекте *превышения* целого своих неравнозначных частей (синтез всегда содержит в себе новое качество, которого не было ни в тезисе, ни в антитезисе).

Экономиста-теоретика должен из этой «диалектической троицы» интересоваться прежде всего закон единства и борьбы противоположностей, поскольку тот непосредственно связан с понятием *меры* как границы, разделяющей противоположности, и, следовательно, имеющего наилучшие шансы служить методологической основой в поиске абсолютной меры экономической ценности.

Гегель приходит своим общеизвестным методом к тем же выводам, что и Платон, и Аристотель. Просто он начинает свой путь с невероятной глубины исходной точки анализа – диалектики бытия и ничто (впрочем как и Платон). На определенном этапе синтеза тезиса и антитезиса у него возникает категория «качества», которой, согласно закону отрицания отрицания, противостоит и которую дополняет категория «количества». Новый синтез «количества» и «качества» дает «меру».

Синтез качества и количества заключается, по Гегелю, прежде всего в том, что признакам качества приписывается количественный момент. Тогда получается так называемое «именованное число» как единство определенности (момент качества) и числа (момент количества). Понятие «именованного числа» используется в процессе измерения, где «имя» единицы измерения отражает качество объекта измерения, а число, характеризующее результат измерения – категорию количества. Да и сама этимология слова «мера» по-гречески означает «часть», «дробь».

Итак, получаемое в результате измерения число *на самом деле есть дробь, соотношение*. Но всякое «подлинное» соотношение предполагает неравенство соотно-

симых частей, ибо там, где они равны, получается равная сама себе «самодостаточная» единица, исключая необходимость развития. «Мера» в гегелевском смысле конкретизирует содержание «умных чисел» неоплатоников прежде всего тем, что обладает структурой, содержит в себе некий порядок, «фигурность», определенную «качественную эталонность», выраженную количественно.

И это почти все, что дает диалектика Гегеля в этом столь важном для теоретической экономики вопросе – меру как единицу измерения, как дробь, в числителе и знаменателе которой выражено единство противоположностей количества и качества. Не объяснено самое главное – принцип меры. Или, что почти то же самое – *онтологический механизм* действия закона перехода количественных изменений в качественные. Гегель просто признает факт существования некоего предела, при нарушении которого вещь перестает существовать как именно эта вещь. Но *почему у каждой вещи свой особенный предел*, на этот вопрос Гегель прямо не отвечает. Потому что этот вопрос – уже *метафизический*, связанный со смыслом. Ответ Гегеля слишком общий, сводящийся к самопознанию мирового духа, восходящего на все более и более высокие вершины свободы. Но какое это имеет отношение к мере отдельно взятой вещи?

Поскольку мера есть количественное выражение истины существования двух противоположностей, из которых состоит любое явление, то задача сводится к отысканию «истинной пропорции», «истинного числа». Относительная истина (истины) связана (связаны) с абсолютной, которая априори единственна (не может быть двух абсолютных истин, иначе возникает вопрос, какая из них «более истина», «более абсолютна»). Поэтому отблеск «истины в последней инстанции» или всеобщего принципа бытия должен быть в каждом явлении, должен «просвечиваться» в любом процессе⁹.

⁹ Мера, как сказано, связана с числом. Число само по себе согласно Пифагору «абсолютно конкретно», потому что занимает неповторимое индивидуальное место в кругу других чисел. И Абсолютное Число (Истина) – не исключение. Несмотря на всю свою бесконечность, Оно конкретно, рационально и иррационально одновременно.

**Экономическая статика и динамика:
спор методологий неоклассики и правого
посткейнсианства**

Подведем предварительный итог. Спор о равновесии как о конечной *цели* или промежуточном *звене* вполне удовлетворительно разрешается теоретической конструкцией «вечного двигателя», в основе которого лежит некая *вечно неизменная асимметрия* (она же *абсолютная мера*) *частей* целого, которые периодически меняются своими местами (или удельными весами) так, что малая часть становится большой и наоборот. Сама динамика, сам рост *не меняют первоначальную структуру*, ибо именно она и является причиной никогда не прекращающегося движения¹⁰.

Равновесие в рамках такого подхода является случайной категорией и даже чужеродным элементом «неорганической симметрии», встающей преградой на пути всепобеждающей асимметричной (неравновесной) правды жизни.

Великая заслуга Дж.М. Кейнса состоит в том, что он побудил экономистов осознать недостаточность статических моделей экономики (в том числе и своей) и направил под определенным ракурсом их мысль к поискам основ экономической динамики¹¹. Этот определенный ракурс на первых порах проявлялся в негласном или даже не совсем осознанном признании неравновесного состояния как более характерного *для развития* по сравнению с равновесным покоем статике. Но спустя десятилетия после выхода «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) «градус» данной осознанности несравненно вырос.

Идея неравновесной динамики, совсем «непонятая сторонниками неоклассического синтеза» (прежде всего Дж. Хиксом и П. Самуэльсоном, как утверждают посткейнсианцы) в качестве «последней истины» всей теории Кейнса, стала лейтмотивом всего

¹⁰ Примером может служить ряд возрастающих по определенному правилу чисел, известный как «последовательность Фибоначчи» (каждое последующее число есть сумма предыдущих двух), который в наглядной математической форме разрешает не только дилемму истинного взаимоотношения «равновесия-неравновесия», но и «справедливости-эффективности» (см. ниже).

¹¹ Кейнс Дж.М. 2009. *Общая теория занятости, процента и денег*. Москва: Эксмо. 1025 с.

правого и левого посткейнсианства послевоенного времени¹².

В отличие от неоклассиков, трактовавших теорию Кейнса как «теорию равновесия в условиях неполной занятости» или как «частный случай общего равновесия Вальраса», правое посткейнсианство (Р. Клауэр, А. Лейонхуфвуд, С. Вайнтруб, Х. Мински) доказывают прямо противоположное – теория Кейнса – это теория неравновесия.

Например, Р. Клауэр в своей нашумевшей статье «Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка» (1965) утверждает, что экономика стремится не к восстановлению равновесия, даже с неполной занятостью, а к постоянному нарушению его. Данное свойство экономической системы Клауэр выводит из принципиальных различий ожидаемых и фактических величин, из несовершенства (асимметрии) информации и оппортунистического поведения людей (Clower, 1965).

Клауэра решительно поддержал другой авторитет – А. Лейонхуфвуд – в статье «О кейнсианской экономической теории и теории Кейнса» (Leijonhufvud, 1968). По его мнению, за негибкостью цен и зарплат, игравшей столь важную роль в кейнсианской методологии, стоит не принцип «монополизма» ценообразования, не борьба профсоюзов за достойные зарплаты – все эти *экзогенные* факторы «фиаско» рынка, а принципиальная «эндогенная» неопределенность мира, порождающая «издержки информации» и ее асимметричность (мысль, впервые доказанная Ф. Найтом в работе «Риск, неопределенность и прибыль» в 1921 г. (Найт, 2003)).

Вот почему «окончательного» равновесия на самом деле нет и быть не может. Его нарушения не носят случайного характера. Они органически присущи экономической динамике и являются следствием неопределенности мироздания, принципа свободы воли и неэластичности (асимметричности) экономических реакций людей на непредсказуемую динамику цен. Поэтому теория Кейнса представляет собой не статику равновесия с неполной занятостью, а динамику

¹² Post Keynesian Economic Theory: a Challenge to Neo Classical Economics. 1985. Brington.

ческую по своей сути макроэкономическую теорию приспособления экономических агентов к нарушению рыночного равновесия.

Присовокупим к вышеизложенной позиции еще мнение С. Вайнтрауба. Он считал, что версия кейнсианства, разработанная старшим поколением – Э. Хансеном, П. Самуэльсоном, Дж. Хиксом, искажила смысл теории Кейнса (Вайнтрауб, 1981). Заполнив учебники и экономические журналы, эта версия, кстати резко названная Вайнтраубом «самозванным кейнсианством» или «хиксианским кейнсианством», уводит от более глубокой и истинной динамической ее интерпретации. Главная причина – страстное желание вышеназванных авторов, прекрасно владевших математическим аппаратом исследования, обосновать свое видение экономической реальности в аналитически-функциональной манере, статичной по своей сути. Но мир гораздо сложнее, глубже и разнообразнее. И это обстоятельство ускользает от точно выверенного математического способа познания. Поэтому «хиксианское кейнсианство», несмотря на демонстративную сложность математического способа изложения, рождает упрощенный и поверхностный взгляд на экономику, упускает нечто самое важное.

От себя заметим, дело даже не в диалектике «равновесия-неравновесия». Имеется более функциональное понятие – «устойчивость». Может быть «устойчивое неравновесие» и «неустойчивое равновесие». Жизнь чрезвычайно богата примерами того и другого рода, когда, например, внешние силы бессильны перевернуть качающуюся на высоких волнах лодку (игрушка-неваляшка тоже хороший пример) или когда «взмаха крыла бабочки» порой достаточно, чтобы разрушить хрупкое равновесие. Не случайно экономисты-математики, пытаясь с помощью функционального анализа дать точную формулировку динамического принципа «равновесия-неравновесия», в конце концов вышли на понятие «устойчивости» и проблему его сохранения в динамическом процессе, при этом в свойственной себе манере «справедливо» оставив за скобками вопрос о первичности или приоритете какого-то одного («равновесного» либо «неравновесного») состояния.

Если быть точным, сначала было доказано существование равновесной траектории роста для пропорционально расширяющейся экономики (Г. Кассель, Дж. фон Нейман). Затем неоклассическая математическая школа вышла на принцип устойчивости в виде некой «седловой» точки, к которой постоянно возвращается или «тяготеет» траектория сбалансированного роста (Дж. Хикс, П. Самуэльсон, Дж. фон Нейман) (Nichans, 1990).

Попутно неоклассика в лице К. Эрроу и Ж. Дебре на основе теоремы Какутани о неизменной точке равновесно-неравновесных состояний, а также достижений в области линейного программирования доказала две фундаментальные теоремы благосостояния об однозначном соответствии конкурентного равновесия и оптимума по Парето (Arrow, Debreu, 1954). Действительно, само по себе «равновесие» или его отсутствие мало что говорит о динамических свойствах системы. Куда более функционально в этом отношении понятие «устойчивости», стоящее в одном ряду с «долговечностью» (Samuelson, 1944; Хикс, 1988).

В самом общем виде устойчивость ассоциируется с «притяжением» системы к некоторому состоянию или траектории. Математическое определение устойчивости гласит: «Линия поведения системы называется устойчивой, если, *начавшись внутри нее*, она никогда ее не покидает»¹³.

Итак, «устойчивое равновесие» должно интересовать аналитика динамики гораздо меньше, чем «устойчивое неравновесие», во-первых, из-за статичности первого, во-вторых, из-за асимметричности второго, так как жизнь асимметрична. Судя по всему, «устойчивое неравновесие» является той общей точкой, к которой с разных методологических позиций пришли, с одной стороны, не вполне осознанно, математики-неоклассики, с противоположной – вполне сознательно, правые посткейнсианцы.

В отличие от правого посткейнсианства, обосновывавшего свою правду неравновесного подхода критикой различных форм «фиаско» рыночного механизма ценообразования, левое посткейнсианство (Дж. Робинсон, Дж. Итуэлл, М. Милгейт)

¹³ Автономов В.С. (Ред.). 2010. *История экономических учений*: учеб. пособие. Москва: Инфра-М. С. 229.

черпало вдохновение из другого источника – из первой в истории экономической мысли модели экономической динамики, из двухсекторной модели расширенного воспроизводства К. Маркса.

**Вклад в теорию динамики К. Маркса,
левого посткейнсианства,
неокейнсианства**

Конечно, экономисты и до «кейнсианской революции» уделяли вопросам динамики немалое внимание. Уже физиократ Кенэ представил чистый доход общества в своей таблице таким образом, что заставил критически настроенных читателей (прежде всего Адама Смита) задуматься о причине «подозрительно точного» совпадения встречных денежных потоков и товарно-материальных ценностей между фермерами, землевладельцами и «праздным классом» (горожанами). Динамический акцент таблицы был многократно усилен Карлом Марксом, переработавшим ее до двухсекторной модели расширенного воспроизводства с предположением об опережающих темпах развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления.

Разделение прибыли предприятий на «фонд потребления» и «фонд накопления» – узловая точка объяснения динамики всех видов, и эта заслуга принадлежит К. Марксу (Caravale, 1991). Его схема расширенного воспроизводства по сути представляет собой «пробу пера» в моделировании процессов экономической динамики. Источник динамики – та часть прибыли, которая капитализируется после удовлетворения личных потребностей капиталиста (в том числе и в предметах роскоши).

Почти во всех схемах (кроме самой последней) расширенного и простого воспроизводства Маркс произвольно придерживается двух своих допущений. Первое: для расширения производства капитализируется 50% полученной прибыли (прибавочной стоимости). Второе: эти 50% распадаются на постоянный (*c*) и переменный (*v*) капитал в следующей пропорции – 80% постоянный, 20% переменный. Могла быть и другая пропорция строения органического капитала, однако в любой из них под-

разумеается приоритет постоянного капитала над переменным, так как акт капитализации неизбежно предполагает ущемление текущего потребления в пользу этой самой капитализации.

Впоследствии сторонники марксизма (прежде всего В. Ленин) развили из этих методологических посылок теорию преимущественного развития производства средств производства (I подразделение) по сравнению с производством предметов потребления (II подразделение) (хотя логика требует скорее обратного: средство не может быть «главнее» цели – конечного потребления, в противном случае получается производство ради самого производства¹⁴).

Но дело в данном случае заключается не в правильности или ошибочности марксистско-ленинской догмы взаимоотношений I подразделения со II. Дело в другом – в формальном признаке-принципе вечно самонарастающегося экономического роста или самовозрастания капитала. Этот принцип – один-единственный. Он прост и, как было сказано, – фрактален. Та часть прибыли, которая отдается капиталистом (или обществом) на расширение производства или на приращение капитала, должна воспроизводить себя повторно и многократно (как матрешка в матрешке) на всех этажах и стадиях общественного разделения труда и кооперации. Нужны *не две пропорции, как у Маркса (50/50 – в первом случае и 80/20 – во втором), а одна* – одна-единственная пропорция между постоянным и переменным капиталом, между овеществленным и живым трудом, между трудом и капиталом, между материальными затратами и прибылью.

Склонность к потреблению есть обратная склонность к накоплению – это две стороны одной медали, причем взаимообратные. Довольно определить одну из них, чтобы по остаточному принципу тотчас высветилась другая. Как отдельные капиталисты потребляют и накапливают, так должно потреблять и накапливать все общество – «чтобы звезды сошлись». Иначе неизбежна разбежка меж-

¹⁴ Даже верные сторонники Маркса в лице Р. Люксембург и М. Туган-Барановского в свое время указывали на подобную «логическую нестыковку», получившую поддержку и в западной экономической литературе, прежде всего в трудах М. Калецкого.

ду спросом и потреблением, или I и II подразделениями.

Увы, одна-единственная пропорция также не решает проблемы. Даже если все капиталисты будут придерживаться определенного правила в своем потреблении-накоплении прибыли, это хоть и приблизит к решению вечного сбалансированного роста, но не обеспечит его (необходимое, но не достаточное условие). В конце концов, почему одна пропорция предпочтительнее другой, чем «органическое деление» c/v в 35/65 лучше 15/85 или 80/20 с методологической точки зрения? Да и само разнообразие и дифференциация получения прибыли и ренты, кажется, начисто отвергают бытие одной-единственной пропорции на все времена во всех местах.

«Левое посткейнсианство» в лице Джона Робинсона сделало еще один решительный шаг в сторону динамического объяснения причины сбалансированного экономического роста, опять-таки творчески переработав модель Маркса. Робинсон писала: «Схема расширенного воспроизводства Маркса дает очень простой и совершенно неизбежный подход к проблеме равенства сбережений и инвестиций и равновесия между производством средств производства и производством потребительских товаров. Он заново открыт и сделан основой исследований кейнсианской проблемы Калецким и вновь изобретен Домаром и Харродом в качестве базиса для теории длительного развития. Если бы Маркса изучали бы как серьезного экономиста вместо того чтобы обращаться с ним, с одной стороны, как с непогрешимым оракулом, а с другой – рассматривать как мишень для дешевых эпитграмм, это сберегло бы для нас много времени»¹⁵.

Объединив прибыль (m) и постоянный капитал (c) в понятие «квазиренты», Робинсон сумела вычленить и сформулировать условия, по которым происходит не просто первоначальный импульс инвестирования в I подразделении производства средств производства, а такой акт инвестирования, который вызывает *гармоничный* отклик со стороны квазиренты II подразделения производства предметов потре-

ния, что является *самоподдерживающейся* причиной сбалансированного (или устойчивого) экономического роста (то, что позже вошло в обиход под «брендом» «золотого правила накопления Фелпса» и «гарантированного роста Харрода»). Норма прибыли должна точно соответствовать темпам накопления капитала, которые в свою очередь должны «до миллиметра» совпадать с приростом платежеспособного спроса (Robinson, Eatwell, 1973).

Выражаясь «более конкретно», можно сказать: в первоначальном и каждом последующем акте инвестирования, запускающем «вечный двигатель» сбалансированного роста экономики, должен «просвечивать» некий истинный принцип соотношения между накоплением и потреблением, между трудом и капиталом, между овевающим (прошлым) и живым (настоящим) трудом, между живущими и будущими поколениями, наконец, между эффективностью и справедливостью (ведь сбалансированный рост по определению не должен ущемлять интересы будущих поколений, что возможно только при соблюдении истинной пропорции между накоплением и потреблением (или трудом и капиталом) в настоящем, прошлом, и будущем.

Приглядимся к делу внимательней, чтобы четко сформулировать явные и не совсем условия долгосрочного устойчивого роста и общественного развития. Речь идет о самовозрастающей экономической ценности или капитале, точнее о таких темпах его накопления, которые никогда бы не порождали стагнации, тем более кризиса.

Во-первых, размер генерируемой национальной экономикой прибыли должен быть строго определенным, так как этот размер есть одновременно следствие и условие неизменной в обществе структуры потребления и накопления, или пропорции mpc/mps ; arc/ars (mpc , mps – предельные склонности к потреблению и накоплению; arc , ars – средние склонности к потреблению и накоплению).

Во-вторых, данный экономический излишек должен капитализироваться в строго определенной части, чтобы «на противоположной стороне» уравнения удовлетворять прирост платежеспособного спроса.

¹⁵ Robinson J. 1956. *The Accumulation of Capital. The Accumulation of Capital*. London: Macmillan & Co Ltd.

В-третьих, предельная склонность к сбережению должна совпадать с предельной склонностью к инвестированию ($mps = mpi$), т. е. должно соблюдаться условие безусловной трансформации всех сбережений в инвестиции; равенство совокупных сбережений совокупным инвестициям на макроуровне – это главное требование кейнсианской модели (и всех нео- и посткейнсианских тоже).

В-четвертых, производители и предприниматели должны обладать такой проницательностью, чтобы их инвестиционные планы и ожидания всегда сбывались, т. е. совпадали со вкусами и предпочтениями потребителей.

Все перечисленное и называется условиями сбалансированного, или устойчивого, или «вечного» экономического роста, которые объединяют все динамические модели, вне зависимости от принадлежности к неокейнсианской, посткейнсианской, шведской, неоклассической школам. Не случайно неокейнсианец Рой Харрод сравнил возможность реализации данных условий на примере своего «идеального гарантированного роста» с «балансировкой на лезвии ножа». Что, собственно, автоматически объясняет присущую всей экономике внутреннюю динамическую нестабильность и цикличность, или выражаясь терминологией Р. Харрода: «бегство фактического роста от гарантированного» (1997).

Неокейнсианец Р. Харрод, конечно, прекрасно осознавал необходимые условия идеальной траектории вечно сбалансированного (гарантированного) экономического роста. Но считал вероятность их одновременного схождения близкой к нулю. Тем не менее упрощенная логика его теории динамики чрезвычайно важна для поиска последней истины сбалансированного роста.

Итак, имеется самовозрастающая стоимость. Причина ее вечного самовозрастания заключается в асимметричной структуре элементов стоимости. «Разложенный по полочкам», данный процесс означает, что:

1. Стоимость (целое) имеет асимметричную структуру;
2. Стоимость (целое) имеет прирост (прибыль);
3. Величина и структура прироста предопределены величиной и структурой целого;

4. Союз структуры и величины прироста (прибыли) с величиной и структурой «старого целого» в результате дает ту же асимметричную структуру «нового целого», служащего основой для очередного аналогичного процесса расширенного воспроизводства.

Какова простейшая структура прибыли? В ней нет ничего кроме накапливаемой и потребляемой частей.

Что можно назвать накапливаемой и потребляемой частями всей стоимости? Очевидно, это капитал (материальные затраты) и вновь созданная стоимость.

Итак, «внутри» союза капитала и вновь созданной стоимости *уже* содержится некий предопределенный сбалансированной динамикой элемент обновления строго определенного размера. Граница между капиталом и вновь созданной стоимостью должна повториться в виде границы между сберегаемой и капитализируемой частями прибыли. В приросте просвечивает та же асимметричная природа частей, что и в целом. Капитализируемая часть прибыли должна обновить старый капитал так, чтобы, во-первых, не нарушить в нем границу между овеществленным и живым трудом, во-вторых, обновленный капитал сам не должен нарушить границы между собой и вновь создаваемой стоимостью на очередном этапе воспроизводства.

Допустим, искомая пропорция между материальными затратами (капиталом) и вновь созданной стоимостью – 35/65. Тогда к прибыли, служащей источником развития и обновления, предъявляются два требования. Первое – она должна быть необходимого размера. Второе – она должна быть необходимой структуры. В нашем случае, во вновь созданной стоимости, которая составляет 65% от цены, должна быть заключена *некая* строго определенная величина прибыли, 35% от которой пойдет на капитализацию. Причем данная капитализация не изменит соотношение живого и овеществленного труда (материальных затрат и вновь созданной стоимости) в уже обновленном только что капитале (материальных затратах), являющемся точкой отсчета для производства очередных 65% новой цены. Итак, 35% полученной прибыли капитализируются (соединяются) с 35%

старых материальных затрат, в результате чего получаются 35% новых материальных затрат от новой цены.

Именно такого рода пропорцию-схему ищет фундаментальная экономическая наука со второй половины XX века – она ищет микроэкономические основы макроэкономики. На наш взгляд, они даны в работах родоначальника *западного* неорикардизма¹⁶, в том числе и так называемого «кейнсианского неорикардизма», Пьеро Сраффы (1999), прежде всего в его работе «Производство товаров посредством товаров».

Подведем очередной промежуточный итог. Равновесие – статично, неравновесие – динамично. Узловая точка, отделяющая методологию кейнсианства от неоклассики, – закон рынков Сэя. Квинтэссенция рынка – в категории *равновесной* цены. Поэтому неоклассический подход статичен по сути, он опирается на рыночное равновесие.

Как некейнсианство и левое посткейнсианство вышли из «шинели» двухсекторной модели расширенного воспроизводства К. Маркса, так вся неоклассика в вопросе динамики проистекает из убывающей производственной функции Кобба–Дугласа. У первых производная динамических моделей больше нуля (опережающие темпы развития I подразделения по сравнению со II); у вторых – стремится к нулю. Здесь и пролегает граница между статикой и динамикой, между неоклассикой и всем кейнсианством. Если производная любого процесса не стремится к нулю, мы имеем дело с преобладанием динамических сил над силами покоя и равновесия; и наоборот, если производная стремится к нулю, тогда торжествуют силы равновесия и статики.

В этой связи нельзя не заметить и пройти мимо следующего принципиального вопроса: какой закон лежит в основе функции Кобба–Дугласа и всех производных от нее моделей роста неоклассики? Ответ прописан во всех учебниках: закон убывающей предельной производительности.

Тогда какой закон лежит в основе методологии кейнсианства всех видов и оттен-

ков? По остаточному принципу не остается никакого другого ответа, кроме закона возрастающей отдачи. Статика отличается от динамики, потому что закон убывающей отдачи отличается от закона возрастающей отдачи. Статика становится динамикой, а динамика становится статикой, потому что силы законов возрастающей и убывающей отдачи сменяют друг друга.

Диалектический закон единства и борьбы противоположностей недвусмысленно требует, чтобы убывающий характер функции предельной производительности был дополнен соответствующим возрастающим отрезком маржинальной производительности. Графическая иллюстрация данного синтеза означает не что иное, как синусоиду-волну.

Различие между двумя законами сводится по сути к скорости возрастания или убывания (т. е. к производной) синергетического эффекта кооперации основных факторов производства – капитала и труда. Там, где синергетический эффект кооперации растет и производная все больше отклоняется от нуля, производственная функция имеет возрастающий характер, но там, где скорость изменения синергетического эффекта становится равной нулю, находится точка перелома, за которой только и появляются знакомые всем теоретикам «родные» очертания убывающих производственных функций всех мастей.

Поэтому традиционный экономический анализ данных функций на макро- и микроуровне благодаря авторитету родоначальника концепции убывающей предельной производительности Дж. Б. Кларку имеет дело только с частью истины, причем не лучшей частью, стремящейся к нулевой производной. Тогда как объективный взгляд на вещи должен быть обращен на ту противоположную часть, которая вечно возрождается из «пепла небытия», придавая нулевой производной возрастающие положительные значения. Причина жизни в самой жизни, а не в нуле.

Общеизвестный принцип эффективности равенства предельных издержек предельному доходу ($MC = MR$) – это принцип убывающего участка предельной производительности. Очевидно, он имеет сво-

¹⁶ Гораздо раньше по времени, чем П. Сраффа, к очень похожим выводам об абсолютной экономической мере пришел русский экономист-математик В.К. Дмитриев, что впоследствии признавал и П. Сраффа.

его «собрата близнеца» на динамическом участке возрастающей отдачи. Определение данного принципа должно стать важным направлением исследований фундаментальной экономической науки. Для целей же настоящей работы вполне достаточна констатация самого факта единства двух противоположных законов маржинальной эффективности, лежащих в основе разграничения методологий неоклассики и кейнсианства в вопросе статики и динамики.

«Предтеча» абсолютной меры ценности, «еретик» Кембриджской школы П. Сраффа

Гарантированный экономический рост Харрода имеет аналог на микроуровне. Это «стандартная отрасль» Пьеро Сраффы, производящая «базисные товары» с неизменной структурой овеществленного и живого труда (или материальных затрат и вновь созданной стоимости).

Неорикардianца П. Сраффу можно назвать возмутителем спокойствия в методологии. Вышедшая в 1960 г. его уже упомянутая книга «Производство товаров посредством товаров» представила модернизированную версию трудовой теории стоимости, а также претензию на открытие абсолютной меры стоимости и яростную критику маржинальной теории производительности¹⁷. По его мнению, истинный вектор развития теоретической экономики находится в русле традиции, заданной Петти, Кантильоном, физиократами, Смитом, Рикардо, Марксом, но никак не маржиналистами. Выдвинув лозунг «назад к Рикардо», он призывает очистить классическую трудовую теорию от всех непоследовательностей и трудностей, что автоматически выведет на прямую дорогу к абсолютной мере ценности¹⁸.

¹⁷ Sraffa P. 1960. *Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory*. Cambridge University Press.

¹⁸ Например, Сраффа писал: «Я думаю, мы окончательно установили (в противоположность традиционной точке зрения Холландера–Маршалла–Кеннана), что изложение трудовой теории Рикардо не испытывало «ослабления» с течением времени, что фактически в конце своей жизни он достиг точки зрения, близкой к Марксу, так что истинная линия происхождения теории конечно ведет от Рикардо к Марксу, а не от Рикардо к теории издержек производства в духе Милля и от него к Маршаллу, о чем говорит буржуазная традиция» (Клюкин, 2009. С. 55).

Более всего примечательно то, что, целеустремленно занимаясь проблемой абсолютной меры стоимости на микроуровне, он пришел к весьма похожим выводам о *формальных* признаках абсолютной экономической ценности, полученных его коллегами при исследовании причин долгосрочного сбалансированного роста на макроуровне (прежде всего Харродом, Робинсон, Калецким). Что, наверное, не случайно: и долгосрочный устойчивый экономический рост, и абсолютная мера ценности имеют нечто общее: они примыкают к вечности. «Идеальная пружина» экономической динамики должна работать одинаково хорошо на микро- и макроуровне.

Сраффа (как и Кейнс) считает имманентным свойством экономической системы не равновесие, а некое «самозамещаемое самовозрастающее состояние», имеющее внутренний источник развития в виде противоречия реальных пропорций между факторами и результатами производства некоему истинному соотношению или абсолютной мере стоимости. Последнее утверждение нуждается в разъяснении. Тем более что у Сраффы не одна абсолютная мера стоимости, а бесконечное множество, что, по всей видимости, внутренне противоречиво и логически несостоятельно (Клюкин, 2009. С. 56).

К выводу о том, что между трудом и капиталом существуют некие идеальные «равновесные» взаимоотношения-пропорции, к которым постоянно тяготеют номинальные величины постоянного и переменного капиталов, П. Сраффа пришел, тщательно изучив труды своих учителей Рикардо и Маркса и подвергнув их критике.

Согласно взглядам классиков трудовой теории общественная цена производства (равная стоимости) регулируется ценой производства товаров, произведенных в условиях *среднего* органического строения капитала, потому что сумма рыночных цен и «естественных» стоимостей в конечном счете в масштабах всего общества должна уравниваться. Так что отклонение цен от стоимостей в отраслях с более низким или более высоким составом капитала *взаимно погашается*. На этом основаны знаменитый парадоксальный эффект Рикардо (когда в капиталоемких отраслях с ростом зарплаты относительные

цены производства будут падать) и выведенный Марксом из его «органического строения капитала» «закон тенденции средней нормы прибыли к понижению»¹⁹.

Что такое среднее органическое строение капитала? Это средняя капиталовооруженность живого труда или переменного капитала по терминологии Маркса (c/v ; c – постоянный капитал; v – переменный). Как и все средние значения, оно есть следствие прежде всего крайних значений, в нашем случае – капиталоемкости и трудоемкости производства.

«Переменный капитал» – центральная категория всей марксистской интерпретации трудовой теории стоимости, поскольку только абстрактный живой труд, по Марксу, является единственным источником стоимости, в том числе и прибавочной стоимости. Значит, при прочих равных, трудоемкие отрасли имеют «более богатые источники» прибавочной стоимости, чем капиталоемкие. Граница, отделяющая постоянный капитал от переменного (органическое строение капитала), а также их общая сумма, по остаточному принципу предопределяющая норму прибыли, не могут не влиять, по Марксу, на ценность всего капитала. «Ноги» «закона тенденции средней нормы прибыли» к понижению растут именно из этой центральной посылки монотеистической теории прибавочной стоимости Маркса.

Однако Сраффа приводит следующую аргументацию. Динамика издержек производства различных товаров зависит от того, в какой пропорции участвуют в их создании овеществленный (капитал) и живой труд. Издержки более трудоемких товаров при прочих равных будут возрастать быстрее, чем издержки капиталоемких, так как удельный вес добавленной стоимости, источником которой является живой труд, все же больше в масштабах общества удельного веса материальных затрат. Одни товары входят со своей структурой себестоимости и цены в качестве предметов труда в производство других товаров. Можно представить весьма длинную цепочку из промежуточных товаров, имеющих своеобразные структуры себестоимостей

и цен. Из-за этого разнообразия структур однозначного решения о том, как именно в конечном итоге изменится цена в результате первоначального импульса, например в результате повышения профсоюзами зарплат, не существует *даже для трудоемких отраслей*. Скорее всего, она, конечно, повысится, в чем были уверены А. Смит, Д. Рикардо, и К. Маркс. Но длинная цепочка промежуточных товаров, *материальные затраты которых по преимуществу капиталоемки*, не только относительно снизят удельный вес материальных затрат в конечном продукте, но и способны даже в краткосрочной перспективе значительно «отыграть» абсолютное увеличение цены трудоемкого товара. Цена, таким образом, всегда есть равнодействующая противоположных сил трудосберегаемого и капиталоемкого процессов²⁰.

Другими словами, цена производства в отрасли со средним органическим строением капитала не может служить измерителем меновых пропорций товаров, потому что невозможно найти такой товар, цена производства которого не зависела бы от структурных сдвигов этого производства. Поэтому Сраффа ставит себе целью найти другой измеритель меновой стоимости, не зависящий от структуры затрат и цен. Или, что то же, *сконструировать такую отрасль, в которой динамика цен совершалась при одной и той же структуре вновь созданной стоимости и материальных затрат*, включающих амортизацию.

Отсюда следуют далеко идущие выводы, не очень благоприятные для неоклассической концепции капитала. Само определение капитала, производительность которого, согласно неоклассической теории, определяет величину прибыли, зависит от того, как показал Сраффа своей моделью

¹⁹ Дмитриев В.К. 2009. *Очерк I. Теория ценности Д. Рикардо (опыт точного анализа)*. Избранное. Москва: Эксмо. 1105 с.

²⁰ Как пишет сам Сраффа в 20-м параграфе своей книги «Производство товаров посредством товаров»: «Относительные изменения цен двух продуктов зависимы от соотношения труда и средств производства, посредством которых они непосредственно произведены, но также от пропорций, в которых средства производства тех средств производств были произведены, и т. д. Сколь бы сложными не были механизмы изменения цен под влиянием изменений в распределении, их результатом (а равно и их оправданием) является восстановление баланса в каждой отрасли (выделено мной. – Д.Н.). Они достигают этой цели, и она не может быть достигнута другим путем». Цена, таким образом, всегда есть равнодействующая противоположных сил трудосберегаемого и капиталоемкого процессов.

цен промежуточных товаров, как именно распределяются прибыль и зарплата. То есть скорее не будущее, а прошлое влияет на ценность капитала. Как написала Д. Робинсон (1973): «Один из основных пунктов аргументации Сраффы состоит в том, чтобы показать, что «стоимость капитала» в целом не имеет никакого смысла вне зависимости от распределения чистого продукта между заработной платой и прибылью, так что идея о том, что норма прибыли определяется предельным продуктом капитала, является бессодержательной».

Воспользуемся вместе со Сраффой абстракцией об абсолютной взаимозаменяемости труда и капитала. Представим сверхтекучесть и «желеобразность» (термин Сраффы) капитала и труда, без проблем «проникающих друг в друга» или заменяющих друг друга, особенно в долгосрочной перспективе (Сраффа, 2009). Спрашивается: можно ли чисто теоретически сконструировать такую отрасль, в которой отношение чистого продукта (зарплата + прибыль), источником которого является живой труд, к стоимости материальных затрат не менялось бы под влиянием изменений в ценах производства этой отрасли, как в настоящем, так и в будущем?

Сраффа отвечает положительно и называет такую отрасль «стандартной» (уместна аналогия с «гарантированным ростом» Харрода). «Стандартная отрасль» производит так называемые «стандартные товары», которые так входят в производство других товаров, что воспроизводят в увеличенном масштабе свою собственную структуру материальных затрат/чистый продукт – т. е. в постоянно растущем целом (цене) все время просвечивается одна и та же структура, одно и то же соотношение частей, *причем не за счет их пропорционально-равномерного увеличения, а за счет асимметричного чередования больших и малых частей (слагаемых)*. В этом и состоит особенная самодостаточность «стандартной отрасли» – по натуральной или стоимостной структуре конечного продукта можно последовательно вычислить абсолютные значения материальных затрат и живого труда в каждом промежуточном товаре. *Если бы вся экономика состояла из стандартных отраслей, а*

те производили «стандартные товары», она бы находилась на траектории вечной динамики, тем самым претворив мечту Харрода о гарантированном росте в реальность.

Итак, «сильная» абстракция Сраффы об абсолютной взаимозаменяемости труда и капитала позволила по-новому взглянуть на проблему абсолютной меры ценности. Если труд и капитал не имеют друг перед другом никаких преимуществ в предельной и общей производительности (что в долгосрочном плане и так очевидно без всяких абстракций), то существование абсолютной меры сводится к отысканию должного соотношения между живым и овеществленным трудом. Тогда *экономические кризисы* получают свое объяснение не вследствие различной физической оболочки труда и капитала, мешающей их взаимной трансформации, не потому что труд занял место капитала, а капитал место труда, а потому что сами размеры этого места (или удельные веса различных факторов производства в себестоимости продукта) не соответствуют некоей истинной пропорции между ними.

Дело не в том, кто именно, какой именно фактор производства займет то или иное место в структуре цены или себестоимости, дело в самой структуре, в соотношении. Суть не в том, кто сядет в кресло, важно само кресло, точнее его размер, границы. Наименование факторов производства, их потребительная стоимость не имеют значения, потому что имеет значение их пропорция, подразумевающая «ровное» и «справедливое» отношение друг к другу вследствие абсолютной взаимозаменяемости, а значит равной значимости перед долгосрочным периодом.

Главный вывод заключается в следующем. Из всех разновидностей кейнсианства ближе всего к истине вечного сбалансированного роста на макроуровне, с одной стороны, и к истине идеальной кооперации на микроуровне – с другой – подошли «правый неокейнсианец Рой Харрод и «левый неорикардиец-посткейнсианец» Пьерро Сраффа. Особенно вплотную к абсолютной мере ценности подошел последний со своей концепцией «стандартной отрасли» («стандартного товара»).

Поскольку истинная причина изменения цен согласно П. Сраффе заключается в

постоянном нарушении капиталоемкости и трудоемкости производственного процесса, то в случае когда все предприятия придерживаются некой «неизменно-истинной» пропорции между материальными затратами («отрезок капиталоемкости и материалоемкости») и вновь созданной стоимостью («отрезок трудоемкости»), исчезает причина для «возмущения цен» и кризисов.

Другими словами, на микроуровне возможна вечная сбалансированная динамика роста при соблюдении всеми агентами некой пропорции между материальными затратами и добавленной стоимостью. Продукт труда одних должен становиться предметом труда других с одной и той же структурой материальных затрат и вновь созданной стоимостью, распадающейся, как известно, на зарплату и прибыль.

Правда сам Сраффа предполагает множественность таких «истинных пропорций», справедливых только в определенном месте и определенное время. Он настаивает на самом принципе вечного кругооборота «стандартного товара». Он не имеет в своих руках абсолютной пропорции, неизменной для всех времен и народов. Поэтому Сраффа хотя и говорит об истине экономической ценности, но все же его истина – относительна.

«Разбежка» между различными соотношениями материальных затрат и чистого продукта (вновь созданной стоимостью) не может быть бесконечной. Она «стягивается внутрь», как будет показано в дальнейшем, силой принципа золотого сечения. Это и есть абсолютная истина или мера всех вещей и процессов, *протекающих во времени*.

Последние основания должной пропорции между главными компонентами цены: материальными затратами, зарплатой и прибылью – лежат в гармоничном триединстве прошлого, настоящего и будущего.

Абсолютная мера – принцип общественного развития

Кризис – явление довольно распространенное и, поэтому, в некоторой степени необходимое. Его очищающе-обновляющему воздействию время от времени подвергаются не только все стороны общественной жизни, но жизни вообще. Эволюцию можно представить как торжество (или

кризис) одних форм жизни над другими. В чем причина этого?

В нарушении либо следовании некой норме. Если суть бытия вещи в норме (мере), то вместе с нормой исчезает и само бытие.

Поскольку центральной и всеохватывающей категорией экономической науки является категория ценности, то на вопрос о природе экономических кризисов самым общим ответом будет утверждение о нарушении некой всеобщей экономической нормы (меры) ценности.

Нормы чего? Нормы какой ценности? Очевидно, речь идет о норме взаимодействия не менее фундаментальных, чем категория экономической ценности, понятий. Причем таких понятий, существование которых подчиняется логике диалектики единства и борьбы противоположностей, стремящихся *прирасти* за счет *убыли* своего «контрагента». Иначе, говорить о норме или мере не приходится, ибо мера есть должное отношение двух взаимоисключающих и взаимодополняющих понятий, удельные веса которых в сумме всегда дают 100%. По всей видимости, лишь одна комбинация этих удельных весов составляет истинную (истинную) пропорцию противоположностей, обеспечивающую вечное существование целого (единого). Наоборот, чем дальше от истинной «меры-пропорции» удалены все остальные возможные сочетания, тем острее кризис взаимоотношений.

В качестве фундаментальных пар экономических противоположностей можно привести следующие: овеществленный и живой труд; труд и капитал; себестоимость и прибыль; накопление и потребление; материальные затраты и добавленная стоимость; краткосрочные и долгосрочные цели²¹.

У экономического кризиса, или наоборот, экономического благосостояния одна и та же причина. Эта причина связана либо с нарушением, либо с соблюдением некоего *неизменного* баланса между перечисленными категориями. *Мера по определению должна быть неизменной*. Неизменность означает абсолютность. Так как перечисленные

²¹ Как станет ясно из последующего изложения, анализ и выводы, сделанные относительно какой-то одной из перечисленных пар, имеют силу и для всех остальных.

категории могут сосуществовать в качестве противоположностей, стремящихся к единству, то речь идет об абсолютной или неизменной мере этого единства на все времена и для всех народов.

Как для чаш весов, *находящихся в равновесии*, «безразлично» количество груза на каждой, но принципиально его равенство, так и для абсолютной меры экономической ценности совершенно индифферентна предельная производительность труда или капитала, овеществленного или живого труда, но принципиально такое их соотношение, при котором общество развивается сбалансированно-гарантированно в долгосрочном плане, минуя кризисы и стагнации. Потому что как раз чрезмерное превосходство в предельной производительности одного фактора над другим, достигаемое обычно посредством диктата сиюминутных целей и выгод над интересами будущих поколений и является причиной «справедливой кары» со стороны «проигнорированной» меры. Как в этике страдание и наказание неотвратимо следуют за нарушением нравственных принципов, а спокойствие совести и полнота жизни, наоборот, сопровождают того, кто им следует, так и в хозяйственной жизни, судя по всему, действует похожий «механизм возмездия и награды» в зависимости от верности или неверности идеальным пропорциям вышеперечисленных асимметричных понятий.

Для физического равновесия главное, повторимся, равенство груза, а не его тяжесть или легкость. Так и для экономического равновесия, измеряемого и контролируемого абсолютной мерой, суть – не фактическое значение эффективности общественного труда, демонстрируемое той или иной эпохой или тем или иным народом, а некий баланс в предельной производительности главных факторов производства. Анализ того, насколько принцип идеальной сбалансированности фундаментальных экономических понятий присутствует в хозяйственной деятельности, позволяет «пройти сквозь века и страны», сопоставляя и сравнивая казалось бы несопоставимое и несравнимое.

На самом деле множество вариантов сочетания предельной производительности труда и капитала на различных этапах ис-

тории можно трактовать как проявление относительных истин, с разной долей успешности отражающих экономическую истину баланса. Волнообразная природа этой балансировки, продемонстрированная различными учеными в их теориях экономических циклов (Кондратьев, Шумпетер, Калецкий и др.), стала, кажется, общепризнанным фактом. По сути, речь идет об абсолютной причине динамического волнообразного равновесия, постоянно воспроизводящей себя на более высоких уровнях эффективности в новых абсолютных значениях.

Золотое сечение как принцип сбалансированного общественного развития

Наглядный пример возможности существования объективной всеобщей причины сбалансированной социально-экономической динамики демонстрирует математический ряд, известный как последовательность Фибоначчи, в котором каждый последующий член, начиная с третьего, является суммой предыдущих слагаемых: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89 и т. д. ($1 + 2 = 3$; $3 + 2 = 5$; $5 + 3 = 8$; $8 + 5 = 13$; $13 + 8 = 21$; $21 + 13 = 34$ и т. д.). Отношение смежных чисел ряда приближается к отношению «золотой меры» – 1,618.

Обозначим малый отрезок (или слагаемое) через a , большой через b , их сумму через c , тогда «золотое правило», впервые сформулированное в «Началах» Евклида (примерно 300 г. до н. э.), будет выглядеть так: $a : b = b : c$, или $c : b = b : a$.

Если первым слагаемым обозначить живой труд, а вторым – овеществленный (или наоборот), а затем соотнести их друг с другом, то мы получим неизменную пропорцию на всех уровнях. Например, 5 также относится к 2 или 3, как 8 относится к 5 или 3 и т. д. Верно и обратное: 3 так относится к 2, или 2 так относится к 3, как на следующем уровне 5 относится к 3 или 3 относится к 5 и т. д. Мы имеем простейшую модель роста, в которой слагаемые, возрастая и чередуясь местами, демонстрируют одно и то же отношение. Это отношение называется правилом «золотого сечения»: большое слагаемое должно так отно-

ситься к малому, как целое (сумма) к большому; малое слагаемое так относится к большому, как большое к целому.

При делении каждого числа на следующее за ним через одно получается 0,382... (т. е. $1 - 0,618...$) – это удельный вес наименьшего отрезка в сумме. Точка золотого сечения также будет проявлять себя каждый раз при соотношении любых сумм чисел, полученных через одну, например $(3 + 8) / (5 + 13)$; $(5 + 13 + 34) / (8 + 21 + 34)$; $(8 + 21 + 55 + 144) / (13 + 34 + 89 + 233)$ всегда будут давать 0,618... Такое «согласие» и «единодушие» между числами одного ряда, *полученными друг из друга*, весьма подозрительно... На «одушевленном» уровне это нельзя назвать иначе как *гармония*. Перед нами непрерывное деление отрезков, последовательно возрастающих до бесконечности в «золотой пропорции», результат которого есть число также иррационально-бесконечное (Корбала, 2014).

Так или иначе, но ряд Фибоначчи дает математическую иллюстрацию самовоспроизводящейся по определенному правилу «вечной динамики», где в качестве слагаемых можно использовать любую из вышеперечисленных пар фундаментальных категорий, а постоянно растущий результат трактовать в качестве общественного благосостояния. Сбалансированное, бескризисно-динамическое возрастание общественной эффективности возможно, если производительность основных факторов производства подчинена закономерности, демонстрируемой правилом «золотого сечения» и последовательностью Фибоначчи.

Интересно, что классики А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс догадывались об этом, утверждая казалось бы парадоксальное положение о том, что абсолютная мера ценности не зависит от производительности труда в различные эпохи, но зависит от самого труда (как известно, абстрактный труд Маркса претендует на роль абсолютной меры). «Зерновая модель» Рикардо, где зерно одновременно является и ресурсом, и продуктом для отраслей, выступающих в роли покупателя-продавца в одном лице, также подразумевает механизм устойчивого динамического равновесия цен (то, что выигрывается продавцом зерна, *им же про-*

игрывается как покупателем, что удерживает цены в равновесии, в этом суть любой «давальческой сделки»).

Труд – такая субстанция, в котором качественные различия легко устраняются и теоретически, и практически законом перехода количественных изменений в качественные. Можно привести немало мест из трудов классиков трудовой теории стоимости, где они, затрагивая тему абсолютной меры ценности и заявляя о прекрасной осведомленности о трудности сравнения различных качеств труда между собой, тем не менее настаивают на *постоянстве* самого соотношения между нормами зарплаты и прибыли в самых различных приложениях труда и капитала в разные времена и в разных странах (например А. Смит в 10-й главе «Богатства народов», Д. Рикардо во 2-м отделе «Начал», К. Маркс в 1-й главе «Капитала»).

Вот гениальная догадка А. Смита, с которой впоследствии согласились Рикардо и Маркс: «На соотношение между нормами зарплаты и прибыли в различных приложениях труда и капитала, по-видимому, *не очень влияет богатство или бедность страны, ее прогрессирующее, стационарное или регрессирующее состояние* (выделено мной. – Д.Н.). Такие резкие изменения в общественном благосостоянии хотя и отражаются на общем уровне зарплаты и прибыли, в конечном счете должны *одинаково* (выделено мной. – Д.Н.) влиять на них в различных отраслях промышленности. Соотношение между ними должно поэтому оставаться *прежним и не может изменяться, по крайней мере на сколь-нибудь продолжительное время* (выделено мной – Д.Н.), при указанных изменениях в общественном благосостоянии».

Интересно, почему соотношения между нормой прибыли и зарплаты, по мнению классиков, относительно постоянны во времени и пространстве и не зависят от уровня благосостояния и стадии экономического цикла? Не является ли данное *постоянство* характерным признаком абсолютной меры стоимости? Не потому ли, что капитал нации как самовозрастающая стоимость в *долгосрочной перспективе* придерживается правила «золотого сечения», демонстрируемого последовательностью Фибоначчи? Не потому ли, что

капитал нации перестает быть самовозрастающей стоимостью в *краткосрочной* перспективе вследствие игнорирования правила «золотой пропорции»?

Во всяком случае и определение капитала, и математический ряд Фибоначчи роднит то, что оба имеют принцип самовозрастания внутри себя. Причем эксклюзивную ценность последовательности Фибоначчи придает именно неизменность структуры целого и соотношений слагаемых *на любом уровне их абсолютных значений*, что открывает двери для решения вечной дилеммы эффективности и справедливости.

Принцип золотого сечения фрактален. Он простирается не только «вширь», но и «вглубь», сохраняя неизменной первозданную структуру (вспомним неоплатоников, вплотную приблизившихся к разгадке фрактального асимметричного деления Первоединого). Поэтому самое первое «укрупненное» разделение труда между факторами производства допускает дальнейшее структурирование «внутрь» практически до бесконечности. Фрактальная природа мироздания за последние два десятилетия стала общепризнанным фактом физических и биологических наук.

Выразим математически принцип золотого сечения для динамики сбалансированного роста любой кооперации факторов производства. Напомним, каждый последующий член данного математического ряда относится к предыдущему в отношении, равном числу Фибоначчи (Φ):

$$X_n = 1,618X_{n-1},$$

где X_n – n -й член последовательности Фибоначчи.

Верным будет и такое выражение: в любой тройке последовательности наименьшее слагаемое занимает удельный вес в 38,2%, а наибольшее – 61,8%: $X_n = X_{n-2} / 0,382$, или $X_n = X_{n-1} / 0,618$.

Но это слишком сжатые и фрагментарные формулы, которые в лучшем случае дают стационарное представление о связи между двумя и тремя соседними членами математического ряда, построенного по принципу «золотого сечения». Более раз-

вернутый и действительно динамический ракурс вечно самопорождающегося движения демонстрирует следующая формула:

$$\Phi^n = (X_n + X_{n+1}) / X_1,$$

где Φ – число Фибоначчи 1,6180...;

X_1 – первый член ряда или начальное значение производительности кооперации.

Чтобы экономический рост был действительно долговечным и сбалансированным, общество в своем потреблении текущих благ и накоплении капитала должно придерживаться принципа «золотой пропорции». Только этот принцип связывает в единую гармонию интересы предков, отцов и детей. Отклонение же от него есть отклонение от абсолютной меры, тотчас порождающее несправедливость и эксплуатацию в отношениях поколений.

Слагаемые математического ряда, известного как «последовательность Фибоначчи», могут взять на себя роли либо труда и капитала, либо накапливаемой и инвестируемой частей прироста прибыли. В любом случае каждый член ряда, каждое слагаемое или сумма слагаемых данного ряда «содержит в себе» «правильную пропорцию» между трудом, капиталом, накапливаемой и инвестируемой прибылью – ту пропорцию, которая неподвластна времени и потому гарантирует преэминентность интересов поколений, а значит гарантирует разрешение противоречия между эффективностью и справедливостью.

На всем протяжении истории экономической мысли теоретики искренне верили, что абсолютная мера экономической ценности сродни эталонам физической науки: метрам, килограммам, скорости света и т. п. Но экономическая наука имеет качественно иной предмет исследования и ее мера не «застывшая» вещь и даже не «застывший сгусток» энергии абстрактного труда Маркса, а неизменная пропорция. Это пропорция должного и справедливого отношения результатов труда прошлого, настоящего и будущего поколений. Эта мера не столько измеряет, сколько учит того, кто ей не следует. Она превращает экономический шторм в штиль. Но особо упрямых и недальновидных разбивает о скалы. Пропорция должного соотношения овец-

ленного и живого труда, материальных затрат и вновь созданной стоимости – это пропорция справедливого отношения результатов труда текущего поколения к результатам труда предков, что закладывает фундамент для такого же справедливого отношения будущего поколения к сегодняшнему дню.

По сути все известные модели экономической динамики «вышли из шинели» двухсекторной экономики расширенного воспроизводства Карла Маркса (что признано левым посткейнсианством). Но «отпрыски», выигрывая в блестящей математической формулировке своих выводов, проигрывают «прародителю» в самом главном – в конкретике. Даже знаменитое «правило Фелпса», сформулировавшее «без обиняков» проблему устойчивого долгосрочного роста, допускает бесконечное множество решений, зависящих в конечном счете от уровня наклона кривой амортизационных отчислений dk . Только Маркс решился дать определенный ответ об однозначности опережающих темпов роста производства средств производства по сравнению с темпами роста производства предметов потребления. Это рядом с истинной, но не совсем. Она (истина) еще более конкретна и интересна: возможна и обратная доминанта. Главное – сама мера превышения темпов развития одного сектора над другим, а не то, кто именно оказался в числителе или знаменателе.

Проблема микроэкономических основ макроэкономики решится сама собой, если соединить «предельные истины», к которым пришли Харрод и Сраффа. У Харрода имеется «идеальный рост», у Сраффы – «идеальная отрасль».

«Идеальный рост» имеет право быть, если соблюдается некая «правильная» пропорция при использовании прироста прибыли.

«Идеальная отрасль» имеет право быть, если соблюдается некое «правильное» соотношение между овеществленным трудом и вновь созданной стоимостью.

Длительное отклонение как от идеального правила при капитализации прибыли на макроуровне, так и от золотой пропорции между трудом и капиталом на микро-, чреватые кризисом, потому что являются

отклонениями от равновесных точек идеальной траектории динамики. Понятно, что эти отклонения автоматически включают «противоборствующие силы» равновесия, символ которых – значение «золотого сечения», или «число Фибоначчи».

Пропорция между овеществленным и текущим трудом на микроуровне есть та же самая пропорция между сберегаемой и капитализируемой частями прироста прибыли на макроуровне – это общая пропорция вечно-го развития вне зависимости от того, идет ли речь об отдельном предприятии, отрасли, или всей экономике. Она пронизывает все «этажи экономического здания».

Известно также, что большая и меньшая части этой пропорции соблюдают в неприкосновенности границу между собой, потому что именно эта граница, во-первых, является внутренним источником саморазвития экономической динамики; во-вторых, внешним источником «умиротворяющей» силы, возвращающей разбушевавшуюся стихию рынка в относительно спокойное русло «правильной» динамики.

Две формы золотого сечения. Тройная пропорция сбалансированной динамики

Предположим, $0,382 / 0,618$ – это отношение материальных затрат и вновь созданной стоимости по правилу золотого сечения. Вновь созданная стоимость – это зарплата и прибыль. «Изюминка» золотого сечения в том, что она допускает бесконечное самоуглубление *внутри* и бесконечное расширение *вовне* без «ущерба» для самой золотой пропорции. Что если «большой отрезок» или вновь созданную стоимость разделить как нечто самостоятельное, тоже по правилу золотого сечения?

Или, что то же самое, что получится с любым отрезком, дважды разделенным по правилу золотого сечения? Поставим ножку циркуля в один край отрезка и проведем радиус в $0,386$ (или $0,618$). Повторим операцию, поставив ножку циркуля в другой край отрезка. Что будет представлять из себя середина, разность между $0,618$ и $0,386$? Эта разность, равная $0,236$, с экономической точки зрения есть не что иное, как *третий* необходимый и самый важный

элемент цены и второй элемент вновь созданной стоимости – прибыль. Золотое сечение, примененное дважды, превращает $0,382 / 0,618$ в $0,382 / 0,382 / 0,236$.

Производство имеет цель. И цель эта – прибыль. Без цели как прибыли производство становится бессмысленным, потому что затраты равны результату. Цель принадлежит будущему, прибыль принадлежит будущему. Следовательно, удельный вес $0,236$ (или $23,6\%$) также принадлежит будущему.

Производство начинается с аванса будущему. Будет ли этот аванс представлен имеющимся в наличии физическим капиталом или кредитом, не столь важно. Важен минимальный размер, с которого только и можно приступить к делу. Во всем существует некий критичный минимум, меньше которого пусковой механизм попросту не запустится. По правилу золотого сечения минимальный отрезок равен $0,382$, а большой – $0,618$. Поскольку прибыль принадлежит будущему, $0,382$ «отдаются» либо материальным затратам, либо фонду заработной платы. В любом случае $0,236$ достаются той части добавленной стоимости, которой нет в настоящем – прибыли.

Другого и не приходится ожидать. *Правило действует без исключения, как на среднего производства, так и на само производство.* Текущее «вышло» из прошлого и «впадает» в будущее. Остается заключить, что материальные затраты, являясь естественным началом любого производственного процесса, сами есть результат предыдущего разделения живого и овеществленного труда в золотой пропорции, чтобы «прошлое» в виде капитала «подало руку» «будущему», в виде элемента добавленной стоимости – прибыли, и круг замкнулся, а «стандартная отрасль» Сраффы приобрела второе дыхание.

Правило золотого сечения имеет две равнозначные формы записи: общую – $0,382 / 0,618$ и развернутую – $0,382 / 0,382 / 0,236$. Последняя форма более структурирована и конкретна. Она являет бытие третьего элемента «в лоне» большого слагаемого целого.

Этот третий элемент позволяет по-новому записать последовательность Фибоначчи и прояснить механизм вечного обновления возрастающей динамики. *Благодаря двойному применению золотого сече-*

ния можно увеличить «масштаб разрешения» экономического анализа и вскрыть тайну «вечной молодости» сбалансированной динамики. Становится возможным указать каждому элементу цены тот удельный вес, который согласуется с бескризисной динамикой развития.

Например, $3 + 5$ теперь запишется как $3 + (3 + 2)$; $5 + 8$ как $5 + (5 + 3)$; $8 + 13$ как $8 + (8 + 5)$; $13 + 21$ как $13 + (13 + 8)$ и т. д. Первое слагаемое – материальные затраты; в круглых скобках – вновь созданная стоимость; последнее слагаемое – прибыль.

Последнее слагаемое (прибыль), соединяясь с *первым* слагаемым (овеществленным трудом), *не нарушает правил вечной динамики.* Это и есть правило капитализации прибыли. Но для того чтобы его увидеть, понадобилось записать пропорцию $0,382 / 0,618$ в виде $0,382 / 0,382 / 0,236$. Сначала проводится водораздел между материальными затратами и вновь созданной стоимостью, затем внутри самой созданной стоимости – между зарплатой и прибылью (именно на такое вечное постоянное соотношение между зарплатой и прибылью намекал А. Смит, поддержанный впоследствии Д. Рикардо и К. Марксом).

Прибыль может стать причиной сбалансированного экономического роста в том случае, если обладает размером, равным примерно четверти израсходованных издержек или пятой части валовой стоимости.

Прибыль, подчеркнем еще раз, принадлежит будущему, текущий труд настоящему, овеществленный – прошлому. Крайне желательно, чтобы «прошлое» и «будущее» заключили между собой альянс в виде только что сформулированного правила капитализации прибыли. Тогда «настоящее» будет окружено вечной динамикой экономического роста.

Какой бы ни была первоначальная материальная база производства, двойное применение «золотой пропорции» указывает самый оптимальный, самый безопасный путь *долгосрочного* самовозрастания капитала любой нации. Отклонение от данного правила вызывается только одним – преобладанием сиюминутных эгоистических целей настоящего над долгосрочными целями, простирающимися в вечность. Сле-

дование правилу ставит правнуков и прадедов в равные условия хозяйствования независимо от уровня благосостояния и стадии экономического цикла (о чем писали Смит, Рикардо, Маркс). Это автоматически решает дилемму эффективности производства и справедливости распределения.

От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Тройная пропорция золотого сечения $0,382 / 0,382 / 0,236$ показывает, что имеются два равных между собой слагаемых, два равнозначных партнера производственного процесса, имеющих, очевидно, равные права на результат – прибыль. Например, в примере $5 + 5 + 3$ с «количественной» точки зрения «тройке-прибыли» «безразлично», с какой из «пятерок» (овеществленного или живого труда) соединяться (та же логика распространяется на любой член математического ряда Фибоначчи, будь то $3 + 3 + 2$, $8 + 8 + 5$, $34 + 34 + 21$ и т. д.). В зависимости от конъюнктуры рынков труда и капитала прибыль может соединяться с любым из наиболее перспективных на данный момент фактором производства – либо капиталом физическим, либо капиталом человеческим, одинаково оберегая обоих от физического и морального старения.

Тем самым реализуется такая фундаментальная характеристика и условие жизни, как *разнообразие*, которую совсем не просто выразить количественно. Подобный «демократический» *выбор* в капитализации прибыли никак не подрывает устои сбалансированного роста, демонстрируемые последовательностью Фибоначчи, обе пропорции остаются «в силе», регулируя-контролируя условия бескризисного производства экономического излишка и его капитализации. Просто полезно осознавать, что «тройная» пропорция $0,382 / 0,382 / 0,236$ более удобна для описания процессов, происходящих в *глубине* процессов производства, так как недвусмысленно показывает равенство прав факторов производства на совместный результат деятельности. Тогда как «двойная» пропорция $0,681 / 0,382$ (или $0,382 / 0,681$) более уместна для *формы* проявления сущности, когда прибыль как результат производства уже «выбрала» *post factum*, с каким из видов капитала (челове-

ческим или физическим) она намерена «связать свою судьбу» ($0,382 + 0,236 = 0,681$).

Обе формы золотого сечения принадлежат сфере идеального. Следовательно, нарушение абсолютной меры принадлежит противоположной сфере – неидеального. Отклонение от $0,382 / 0,382 / 0,236$ или от $0,382 / 0,681$ – уже «во власти» несовершенной реальности. Различные степени и формы подобных отклонений нуждаются в особом исследовании. Пока же представляется очевидным: чтобы измерить степень несовершенства, необходим эталон совершенства (любой оценочный ряд подразумевает критерий совершенства, некий высший балл, с которым сравниваются все остальные). Ряд Фибоначчи дает такой «математически выверенный» эталон.

Идеальная схема расширенного воспроизводства

Схема «экономического кругооборота веществ» и «вечной» динамики сбалансированного экономического роста выглядит следующим образом:

I цикл $3 + 5 = 8 \leftrightarrow 0,382 / 0,618$; $3 + (3 + 2)$; $(3 + 3) + 2 \leftrightarrow 0,382 / 0,382 / 0,236$;

II цикл $5 + 8 = 13 \leftrightarrow 0,382 / 0,618$; $5 + (5 + 3)$; $(5 + 5) + 3 \leftrightarrow 0,382 / 0,382 / 0,236$;

III цикл $8 + 13 = 21 \leftrightarrow 0,382 / 0,618$; $8 + (8 + 5)$; $(8 + 8) + 5 \leftrightarrow 0,382 / 0,382 / 0,236$;

В левой части сумма материальных затрат и вновь созданной стоимости по пропорции $0,382 / 0,618$.

В правой части элементы цены представлены согласно пропорции $0,382 / 0,382 / 0,236$; круглыми скобками сначала выделена вновь созданная стоимость (зарплата и прибыль – $(3 + 2)$, затем себестоимость (материальные затраты и зарплата – $(3 + 3)$). Жирным шрифтом выделена прибыль.

Схема лишена главных недостатков двухсекторной модели расширенного воспроизводства К. Маркса.

Во-первых, у Маркса нет единой нормы накопления для первого (производство средств производства) и второго подразделений (производство предметов потребления). Норма накопления во втором подразделении пассивно приспособляется к условиям воспроизводства средств производ-

ства, хотя конечный продукт должен пре-
доопределять условия производства проме-
жуточных продуктов.

Во-вторых, нет единой нормы прибыли
для обоих подразделений. Не ясно, почему
одно подразделение должно все время быть
аутсайдером (но имеется одинаковая норма
эксплуатации труда, которая, по-видимому,
и призвана заменить в конструкции Маркса
одинаковую норму прибыли).

В-третьих, нет единого органического
строения капитала. В первом подразделении
у Маркса 50% прибыли капитализируется, из
них 20% идет на переменный капитал (вос-
производство рабочей силы), 80% – на ос-
новной капитал. Это правило не выдержи-
вается во втором подразделении.

Как было уже сказано, мало того, что
Маркс вместо одной пропорции имеет две,
они не выдерживаются одновременно в обо-
их подразделениях, тогда как одна-един-
ственная золотая пропорция «одним рос-
черком пера» решает все проблемы данной
конструкции.

В-четвертых, и это главный «логический
казус», – конечный продукт, т. е. цель всего
производства, существенно меньше проме-
жуточных продуктов (тех же средств производ-
ства). Предмет труда оказывается больше са-
мого продукта труда, целое – меньше части.

Схема Маркса, нарисованная им в зак-
лючительной 21-й главе второго тома «Ка-
питала», постоянно натывается на эти «под-
водные камни» методологии, отчего нельзя
быть уверенным в ее надежности. Тогда как
расширение воспроизводства на основе
принципа золотого сечения совершенно
лишено всех перечисленных недостатков.

Например, капитализация прибыли в
первом цикле производства I подразделе-
ния (3 + 2) вызывает обновление матери-
альных затрат, которые в качестве нового
более прогрессивного средства производ-
ства 5 служат фундаментом для производ-
ства новой добавленной стоимости (5 + 3)
во втором подразделении (и т. д.). Во вся-
ком случае, такой постоянно возрастающий
экономический кругооборот веществ с ма-
тематической точки зрения безупречен.

Представим «идеальную» схему расши-
ренного воспроизводства на основе «золо-
той пропорции» (напомним, c – постоян-

ный капитал, v – переменный (стоимость
рабочей силы), m – прибыль (прибавочный
продукт).

Первый цикл: $I - 300 c + 300 v + 200 m = 800$;

$II - 800 c + 800 v + 500 m = 2100$.

Вся прибыль I подразделения капита-
лизируется в обновление средств производ-
ства ($300 c + 200 m$), вся прибыль II под-
разделения является достоянием всего об-
щества (отрасли, предприятия, цеха). Таким
образом, полная капитализация прибыли
I подразделения является источником ди-
намического развития всего общества и
прироста прибыли в виде предметов по-
требления (а не промежуточных товаров)
II подразделения.

Второй цикл:

$I - 500 c + 500 v + 300 m = 1300$;

$II - 1300 c + 1300 v + 800 m = 3400$.

Третий цикл:

$I - 800 c + 800 v + 500 m = 2100$;

$II - 2100 c + 2100 v + 1300 m = 5400$.

Примеры демонстрируют правило ка-
питализации прибыли. Удельный вес при-
были, идущей на капитализацию средств
производства в прибыли второго подраз-
деления, которая принадлежит всему обще-
ству (предприятию, отрасли, цеху), дает
точку золотого сечения – 38,2%, например,
в третьем цикле – $500 m / 1300 m^{22}$.

Простота модели говорит сама за себя.
Мы видим, что:

органическое строение капитала везде
одинаково;

норма капитализации прибыли везде
одинакова;

соотношение материальных затрат и
вновь созданной стоимости везде одина-
ково;

норма прибыли везде одинакова;

здравый смысл подчиняет логику про-
изводства средств производства логике про-
изводства конечных продуктов потребле-
ния (а не производству ради самого произ-
водства).

²² Для любителей точности заметим, что в первом цик-
ле получается несколько меньшее значение, но это потому,
что и самые первые значения ряда Фибоначчи «не дотягива-
ют» до принципа золотого сечения. Эти первые числа (1, 1, 2,
3, 5) – своеобразная «разбежка», «приближение» к числу Ф.
Начиная с 8 принцип действует полноценно и не дает ника-
ких отклонений в бесконечном ряду прогрессии.

Всех этих достоинств, повторимся, лишена модель расширенного воспроизводства К. Маркса (и любая другая модель экономической динамики). Она имеет одно лишь «специфическое» единство, проистекающее из марксистской теории эксплуатации: одинаковую норму эксплуатации для двух подразделений. Но и это не является эксклюзивным преимуществом перед моделью, построенной по принципу золотого сечения: везде, на всех циклах воспроизводства отношение m / v (марксистская норма эксплуатации) – также одно и то же. Все остальные позиции (органическое строение, норма капитализации, норма прибыли, отношение чистого продукта (зарплаты и прибыли) и материальных затрат) имеют «разной» относительно каждого подразделения в марксистской модели (да и моделях динамики левых посткейнсианцев, построенных по тому же образцу).

Приведем для сравнения марксистскую схему.

Первый цикл:

$$I - 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000;$$

$$II - 1500 c + 750 v + 750 m = 3000.$$

На накопление у Маркса идет половина прибавочной стоимости I подразделения, тогда как норма накопления во II подразделении пассивно приспосабливается к условиям всего воспроизводства. Накапливаемая половина прибавочной стоимости I подразделения распределяется между постоянным и переменным капиталом в пропорции 4 : 1, тогда как во II подразделении совсем другая пропорция 2 : 1. Маркс, как уже было замечено, пользуется двумя и даже тремя пропорциями (из которых последняя является «приспособленческой»), тогда как для сбалансированного роста на базе «идеальной» модели расширенного воспроизводства требуется только одна. Принцип Окамы самоочевиден.

Второй цикл:

$$I - 4400 c + 1100 v + 1100 m = 6600;$$

$$II - 1600 c + 800 v + 800 m = 3200.$$

Главный «казус» модели – «средство» больше «цели», «часть» больше «целого», «промежуточный продукт» или «промежуточное потребление» больше «конечного» (в чем упрекали Маркса даже верные его сторонники Р. Люксембург, М. Туган-Ба-

рановский, не говоря уже о непримиримых «идеологических» борцах из лагеря маргиналистов).

Приглядимся к структуре производства в обоих подразделениях в идеальной схеме.

Возьмем второй цикл: $500 c + 500 v + 300 m = 1300$ в I подразделении и $1300 c + 1300 v + 800 m = 3400$ – во II.

$500 v$ фонда оплаты труда в I подразделении «погружено» точно в такое же окружение *в относительном плане*, что и фонд оплаты труда $1300 v$ во II. Например, отношение к материальным затратам $5 / 5$ – в I, $13 / 13$ – во II (нули сокращаем); отношение к прибыли: $3 / 5 = 8 / 13$; отношение к целому (цене) $5 / 13 = 13 / 34$; отношение вновь созданной стоимости к цене $8 / 13 = 21 / 34$; отношение материальных затрат к цене $5 / 13 = 13 / 34$.

Достаточно «оживить» данные цифры, чтобы увидеть одинаковые экономические условия воспроизводства капитала, рабочей силы, прибыли и добавленной стоимости в производстве средств производства и предметов потребления. Поэтому, если кто-то из рабочих первого подразделения надумает поменяться местом со вторым подразделением (или наоборот), он не заметит никакой принципиальной разницы в экономических условиях воспроизводства своей рабочей силы. «Окружение» в обоих случаях одинаковое.

О чем это говорит? О гармонии интересов работников обоих подразделений. Никто не имеет никаких преимуществ и привилегий. Принцип эффективности не противоречит принципу справедливости.

Что это означает в практическом плане? В практическом плане это означает возможность формирования наиболее эффективной стратегии организации труда в долгосрочном периоде на любом уровне кооперации и разделения труда. Конкретные примеры подобных «бизнес-планов» требуют уже другой статьи. Но несомненно то, что имея «эталон качества» можно измерять и примерять различные варианты стратегий кооперации факторов производства.

Что делать, если подразделения не генерируют необходимый по «золотому правилу» объем прибыли? Это ключевой вопрос. И обстоятельный ответ также предполагает немало дополнительных страниц.

Предварительный и чрезвычайно общий ответ следующий. Процесс производства прибыли сродни процессу созревания плода. Он имеет строго определенную скорость, строго определенное *время*. Поэтому следует ждать и накапливать, если прибыли меньше, чем требуется. Откладывать и сберегать для будущей капитализации, если прибыли больше, чем «предусматривает» золотое сечение. Должны существовать специальные государственные (или частные) фонды накопления и резервов для антициклической экономической политики, скорость наполнения или опустошения которых регулируется временем созревания экономического излишка по правилу золотого сечения.

Конкретизация проблемы сбалансированного устойчивого роста есть не что иное, как проблема взаимодействия сбалансированной динамики первого и второго подразделений расширенного воспроизводства. Идеальный экономический рост подразумевает идеальную схему динамического развития производства средств производства и производства предметов потребления. Как показал П. Сраффа, «стандартная отрасль» отвечает по формальным признакам подобному требованию вечного бескризисного развития. Двухсекторная модель расширенного воспроизводства, построенная на принципе золотого сечения дает экономической теории конкретную модель устойчивой сбалансированной экономической динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Вайнтрауб Э.Р.** 1981. Теория общего равновесия. *Современная экономическая мысль*. Москва: Прогресс. 583 с. [Weitrayb E.R. 1981. Theory general equilibrium. *Sovremennaya ekonomicheskaya mysl'*. Moscow: Progress. 583 p. (In Russ.)]
- Клюкин Г.Н.** 2009. *Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие*. Москва: Эксмо. [Klyukin G.N. 2009. *Value of the theoretical heritage of D. Ricardo: P. Sraffa, the Russian analytical tradition and their synthetic perception*. Ricardo D. Principal of political economy and taxation. Selected works. Moscow: Eksmo. (In Russ.)]
- Кондратьев Н.Д.** 1991. *Основные проблемы экономической статистики и динамики*. Москва: Наука. 567 с. [Kondrat'ev N.D. 1991. *Fundamental problems of economical static and dynamics*. Moscow: Nauka. 567 p. (In Russ.)]
- Корбалам Ф.** 2014. *Мир математики. Золотое сечение*. Москва: Де Агостини. 160 с. [Corbalan F. 2014. *Mathematics world. Gold section*. Moscow: De Agostini. 160 p. (In Russ.)]
- Найт Ф.** 2003. *Риск, неопределенность и прибыль*. Москва: Дело. 360 с. [Nayt F. 2003. *Risk, uncertainty and profit*. Moscow: Delo. 360 p. (In Russ.)]
- Рикардо Д.** 2008. *Начала политической экономии и налогового обложения*. Москва: Эксмо. 880 с. [Rikardo D. 2008. *Principles political economy and tax imposition*. Moscow: Eksmo. 959 p. (In Russ.)]
- Смит А.** 2009. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: Эксмо. 959 с. [Smith A. 2009. *Study on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo. 959 p. (In Russ.)]
- Сраффа П.** 1999. *Производство товаров посредством товаров*. Москва: Юнити-Дана. 165 с. [Sraffa P. 1999. *Production of Commodities by Means of Commodities*. Moscow: Uniti-Dana. 165 p. (In Russ.)]
- Сраффа П.** 2009. *Общее введение к «Трудам и эпистолярному наследию Д. Рикардо» и предисловие к «Началам политической экономии и налогового обложения»*. Москва: Эксмо. 1105 с. [Sraffa P. 2009. *General introduction towards works and theoretical heritage of D. Ricardo. Ricardo D. Principal of political economy and taxation. Selected works*. Moscow: Eksmo. 1105 p. (In Russ.)]
- Харрод Р.** 1997. К теории экономической динамики. *Классики кейнсианства*. Т. 1. Москва: Экономика. 545 с. [Harrod R. 1997. Towards a Dynamic Economics. *Klassiki keynsianstva*. Vol. 1. Moscow: Ekonomika. 545 p. (In Russ.)]
- Хикс Дж.** 1988. *Стоимость и капитал*. Москва: Прогресс. 191 с. [Hicks J. 1988. *Value and capital*. Moscow: Progress. 191 p. (In Russ.)]
- Чельшев П.В.** 2010. *Духовный опыт античного неоплатонизма: Плотин и Прокл о смысле человеческой жизни*. Москва: МГТУ. 380 с. [Chelyshev P.V. 2010. *The spiritual experience of ancient Neoplatonism: Plotinus and Proclus on the meaning of human life*. Moscow: MGTU. 380 p. (In Russ.)]
- Arrow K., Debreu G.** 1954. Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy. *Econometrica*. Vol. 22. No 2.
- Caravale G.F.** 1991. *Marx and Modern Economic Analysis: Values, prices and exploitation*. Vol. 10–11. Aldershot: Elgar.
- Clover R.** 1965. The Keynesian Counter-revolution: A Theoretical Appraisal. *The Theory of Interest Rates*. London: Macmillan.

Debreu G. 1959. *Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium*. New Haven and London: Yale University Press.

Leijonhufvud A. 1968. *On Keynesian Economics and Economics of Keynes: A Study In Monetary Theory*. N. Y.: Oxford University Press.

Niehans J. 1990. *A History of Economic Theory. Classic Contributions, 1720–1980*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Robinson J., Eatwell J. 1973. *An Introduction to Modern Economics*. London.

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskiiy zhurnal*. 2019. No 3. PP. 89–114.

Belarusian Economic Journal. 2019. No 3. PP. 89–114.

**ECONOMIC STATICS AND DYNAMICS:
A PRINCIPAL SOLUTION OF BALANCED GROWTH PROBLEM.
NEO-RICARDIANIST PRINCIPLES OF FORMING
MICROECONOMIC BASICS OF MACROECONOMICS**

Dmitry Neverov¹

Author affiliation: ¹ Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Dmitry Neverov (neverov122008@tut.by).

ABSTRACT. The paper substantiates a provision that the general cause of both the economic crises and the dynamic balanced is the same. It is related to the absolute measure of value. Breaching the norm results in a crisis, whereas following it results in wellbeing. An absolute measure of value is a measure of the proper relationship between fundamental categories of economics, i.e. materialized and living labor, capital and workforce, cost and profit, material costs and value added, consumption and accumulation, as well as long-term and short-term goals. A two-sector model of expanded reproduction based on the golden ratio principle solves the current problem of identifying microeconomic basics of macroeconomics.

KEYWORDS: value, capital, absolute measure, golden ratio, Fibonacci sequence.

JEL-code: B51.

Received 15.03.2019

